

Книга должна быть снабжена подробным указателем «по предметам» (например, «с п а л а князю умь похоти» или «с т я з и глаголють» и др.), что позволит интересующимся тем или иным местом или выражением «Слова» легко отыскать нужные библиографические материалы и ориентироваться в обилии собранных данных. Это, кроме того, может избавить от необходимости составления отдельного библиографического справочника «по предметам», дублирующего в основном общий библиографический свод по «Слову». Однако составление подробного библиографического сборника, с расположением заглавий в хронологическом порядке (даже снабженного указателем в конце) не исключает составления параллельного библиографического указателя «по предметам», который представит в более сконцентрированном виде все сказанное по данному вопросу или комментирующее соответствующее выражение, словосочетание и т. п. Кроме того, библиографический справочник «по предметам» будет отличаться и тем преимуществом, что в каждой его статье легче выделить наиболее авторитетные и освещенные научной традицией мнения, от которых может отправляться исследователь в свои дальнейшие изыскания.

2. Крайне нужен также научно составленный словарь к памятнику, в котором в алфавитном порядке были бы даны все встречающиеся в нем слова с подробными филологическими (этимологическими и историко-лексическими) толкованиями и с широким привлечением словарного материала других славянских языков (западных и южных) и их диалектов. В отдельные статьи следует включить слова из древнерусских и современных диалектов трех восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского, а также параллельные выражения и словосочетания из старорусских и славянских литературных памятников. Привлечение подробного материала даст более широкую ориентировку в расшифровке словарного состава «Слова» на прочной базе славянских языков и их наречий, сохранивших во многих случаях в своей толще чрезвычайно редкие и унаследованные со времен глубокой древности слова и формы. Собранный по такому методу и детально расшифрованный и классифицированный словарный запас, представленный притом в сопоставительном плане, поможет возникновению у комментаторов ассоциаций этимологического и семантического порядка, почти невозможных при отсутствии иллюстративных лексических данных. А сопоставительный аспект выведет исследователя из ограниченного круга древнерусской речи и представит в его распоряжение богатство общеславянской лексики, расширит рамки его лексикологического горизонта, приведет к новым выводам.

3. Следовало бы составить и небольшой словарь топонимических названий, собственных имен и реалий, встречающихся в «Слове», оснащенный научными комментариями и снабженный параллельными сведениями (в области топонимики и реалий) из других славянских языков.

4. Возникают серьезные вопросы, относящиеся и к методологии исследования «Слова» в языковом плане. Необходимо осторожное и бережное обращение с сохранившимся в двух вариантах текстом поэмы (Мусин-Пушкинское издание и Екатерининская копия). Догадки и предположения, столь обильно высказываемые по адресу того или иного невразумительно переданного первыми издателями, неясного или непонятного места или выражения «Слова», должны сообразоваться с дошедшими до нашего времени двумя вариантами. Абсолютно недопустимы какие бы то ни было поправки текста в угоду априорным предположениям и построениям комментаторов, без достаточных, продиктованных подлинно научными соображениями оснований не должна меняться ни одна буква. К поправкам текста можно прибегнуть лишь в тех случаях, когда чтение данного места без них делается бессмысленным и не приводит ни к каким окончательным результатам.

5. В области методологии работы над «Словом» необходимо широко использовать метод сопоставления отдельных его слов и выражений со словами и выражениями других славянских языков. Такой учет языковой и культурной общности славянских народов расширит исследовательские приемы и кругозор комментаторов и в ряде случаев натолкнет их на правильное решение поставленного вопроса.

В качестве примера может быть указано привлечение таких слов польского, чешского, сербохорватского и болгарского языков, как *spala* (польск.), *spála* (с вторичным значением, в чешск.), *upalá* (сербохорват.), *пала* (болг.), стоящих в непосредственной близости к неразгаданному до сих пор слову «с п а л а» в выражении «Спала князю умь похоти». Много интересных и ценных наблюдений в этом направлении может дать болгарский язык, сохранивший в своем составе (особенно в диалектах) немало архаических форм, слов и выражений. Такое сопоставительное изучение текста «Слова» дало возможность, например, раскрыть стилистическое содержание эпитета «ш е с т о к р и л ц и я», считавшегося до последнего времени литургическим, но на самом деле хорошо известного южнославянской эпической поэзии в качестве эпитета одного из героев болгарского и сербского эпоса — Релью Ш е с т о к р и л ц а (Релью Шестокрылеп).

6. Наконец, следует обратить внимание на многочисленные реалии «Слова» (о которых было сказано и выше), и на его топонимию, находящие себе соответствия в реалиях и топонимии других славянских народов. Так, не выясненное вполне как форма название реки *К а н и н а* или *К а н и н* нашло подтверждение в названиях реки *К а н и н а* (притока р. Месты) в юго-западной Болгарии и старинного города *К а н и н а* близ древней Авлоны (Валоны) на территории современной Албании (в пределах бывшего сербского царства в эпоху Средневековья).